

А. С. ПУШКИНЪ

РИСЪ ГОДУНОВЪ

БЕРЛИНЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
И. П. ЛАДЫЖНИКОВА

А. С. ПУШКИНЪ

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

БЕРЛИНЪ 1921
Издательство И. П. Ладыжникова

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

Комедія

о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.

Лѣтопись о многихъ мятежахъ и пр.

писано бысть Алексашкою Пушкинымъ
въ лѣто 7333,
на городищѣ Вороничѣ.

Кремлевскія палаты

20 февраля 1598 года

Князья Шуйскій и Воротынскій.

Воротынскій

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать,
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; вослѣдъ за патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

Шуйскій

Чѣмъ кончится? Узнать немудрено:
Народъ еще повоетъ, да поплачетъ,

Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ по милости своей
Принять вѣнецъ смиренно согласится,
А тамъ — а тамъ онъ будетъ нами править
Попрежнему.

Воротынскій

Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
Ни патріархъ, ни думные бояре
Склонить его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу великаго собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица,
Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:
Знать, самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
Что, ежели правитель въ самомъ дѣлѣ
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?

Шуйскій

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если такъ, Димитрій могъ бы жить.

Воротынскій

Ужасное злодѣйство! Полно, точно ль
Царевича сгубилъ Борисъ?

Шуйскій

А кто же?
Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло:
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали;
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротынскій

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

Шуйскій

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
Спокойствіемъ, безстыдностью нежданой;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый:
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ —
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій

Нечисто, князь.

Шуйскій

А что мнѣ было дѣлать?
Все объявить Ѳеодору? Но царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова:
Пускай его бъ увѣрилъ я во всемъ,

Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
А тамъ меня жъ сослали бъ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько бъ задавили.
Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
Никая казнь меня не устрашитъ;
Я самъ не трусъ, но также не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

Воротынскій

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
Губителя раскаянье тревожитъ:
Конечно, кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

Шуйскій

Перешагнетъ: Борисъ не такъ-то робокъ!
Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Воротынскій

Такъ; родомъ онъ не знатенъ; мы знатнѣе.

Шуйскій

Да, кажется.

Воротынскій

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...
Легко сказать, природные князья.

Шуйскій

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынскій

А слушай, князь, вѣдь мы бъ имѣли право
Наслѣдовать Ѳеодору.

Шуйскій

Да, болѣ,
Чѣмъ Годуновъ.

Воротынскій

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій

Что жъ?
Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова,
Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ цари любого изберутъ.

Воротынскій

Не мало насъ, наслѣдниковъ варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.

Шуйскій (глядитъ въ окно)

Онъ смѣлъ, вотъ все — а мы... Но полно.
Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ —
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

Красная площадь

Народъ.

Одинъ

Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, бояръ и патріарха.
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
Его страшитъ сіяніе престола.

Другой

О Боже мой, кто будетъ нами править?
О горе намъ!

Третій

Да вотъ верховный дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшенье думы.

Народъ

Молчать! молчать! Дьякъ думный говоритъ;
Ш-ш — слушайте!

Щелкаловъ (съ Краснаго крыльца)

Соборомъ положили
Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною правителя душой.
Заутра вновь святѣйшій патріархъ,
Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебенъ,
Предшествуемъ хоругвями святыми,
Съ иконами Владимірской, Донской,
Воздвижется, а съ нимъ синклитъ, бояре,
Да сонмъ дворянъ, да выборные люди
И весь народъ московскій православный, —
Мы всѣ пойдемъ молить царицу вновь,
Да сжалится надъ сирою Москвой

И на вѣнецъ благословитъ Бориса.
Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
Молитеся, да взыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ.

(Народъ расходится).

Дѣвичье Поле

Новодѣвичій монастырь. Народъ.

Одинъ

Теперь они пошли къ царицѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и патріархъ
Съ толпой бояръ.

Другой

Что слышно?

Третій

Все еще
Упрямится; однако есть надежда.

Баба (съ ребенкомъ)

Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь!

Одинъ

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

Другой

Нельзя. Куды! и въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ! Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,

Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

Первый

Право, любо!

Одинъ

Что тамъ за шумъ?

Другой

Послушай... что за шумъ?
Народъ завылъ: тамъ падаютъ, что волны
За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе на колѣни!

Народъ (на колѣняхъ; вой и плачъ)

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

Одинъ (тихо)

О чемъ тамъ плачутъ?

Другой

А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре —
Не намъ чета.

Баба (съ ребенкомъ)

Ну, что жъ? Какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!... вотъ бука!
Плачь, баловень! (бросаетъ его объ земь, ребенокъ пищитъ.)
Ну, то-то же!

Одинъ

Всѣ плачутъ —
Заплачемъ, братъ, и мы!

Другой

Я силюсь, братъ,
Да не могу.

Первый

Я также. Нѣтъ ли луку?
Потремъ глаза.

Другой

Нѣтъ, я слюной намажу.
Что тамъ еще?

Первый

Да кто ихъ разберетъ.

Народъ

Вѣнецъ за нимъ! онъ царъ! онъ согласился!...
Борисъ нашъ царь! да здравствуетъ Борисъ!

Кремлевскія палаты

Борисъ, Патріархъ, бояре.

Борисъ

Ты, отче патріархъ, вы всѣ, бояре!
Обнажена душа моя предъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —

Наслѣдую и ангелу-царю!...
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.
  Отъ васъ я жду содѣйствія, бояре,
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Не избранный еще народной волей.

Бояре

Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.

Борисъ

Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ — сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.

(Уходитъ; за нимъ и бояре).

Князь Воротынскій
(останавливая Шуйскаго)

Ты угадалъ.

Шуйскій

А что?

Воротынскій

Да здѣсь, намедни,
Ты помнишь?

Шуйскій

Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,
Ты говорилъ —

Шуйскій

Теперь не время помнить,
Совѣтую порой и забывать.
А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать,
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;
Но вотъ — народъ привѣтствуетъ царя —
Отсутствіе мое замѣтить могутъ —
Иду за нимъ.

Воротынскій

Лукавый царедворецъ!

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ

1603 года

Отецъ Пименъ, Григорій (спящій).

Пименъ (пишетъ передъ лампадой)

Еще одно послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный;

Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно ль оно неслось, событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Не много лицъ мнѣ память сохранила,
Не много словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!...
Но близокъ день, лампада догораетъ —
Еще одно, послѣднее сказанье. (Пишетъ).

Григорій (пробуждается)

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? Въ третій
разъ!
Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли новогородскомъ вѣчѣ?

О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ

Проснулся, братъ.

Григорій

Благослови меня,
Честный отецъ.

Пименъ

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и вовѣки.

Григорій

Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось —
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои виденій легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;

Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ! Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ:
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши».
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,

Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной...
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась — а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едино зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ
Ужъ не видать такого намъ царя...
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда жъ — а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ;
«Покайтеся!» народъ имъ загремѣлъ;
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

Григорій

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ

Да лѣтъ семи: ему бы нынѣ было —
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:

Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.

Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ —
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны —
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій.
(Уходитъ).

Григорій

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ;
И не уйдешь ты отъ суда мірского,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

Палаты Патріарха

Патріархъ, Игуменъ Чудова монастыря.

Патріархъ

И онъ убѣжалъ, отецъ игуменъ?

Игуменъ

Убѣжалъ, святый владыка, вотъ ужъ тому третій день.

Патріархъ

Пострѣлъ, окаянный! Да какого онъ роду?

Игуменъ

Изъ роду Отрепьевыхъ, галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ пришелъ къ моей чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но, знать, грамота далася ему не отъ Господа Бога...

Патріархъ

Ужъ эти мнѣ грамотеи! Что еще выдумалъ! *буду царемъ на Москвѣ!* Ахъ онъ сосудъ діавольскій! Однако нечего царю и докладывать объ этомъ; что тревожить отца-государя? Довольно будетъ объявить о побѣгѣ дьяку Смирнову или дьяку Ефимьеву. Этака ересь! *буду царемъ на Москвѣ!..* Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ игуменъ?

Игуменъ

Ересь, святый владыка, сущая ересь.

Царскія палаты

Два стольника.

Первый

Гдѣ государь?

Второй

В своей опочивальнѣ
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый

Такъ; вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

Второй

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

Первый

Какъ онъ угрюмъ!

(Уходятъ).

Царь (входитъ)

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ, скучаемъ и томимся!..
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;

Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!..
Кто ни умретъ — я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоитъ;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть —
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,

Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!..
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

Корчма на Литовской границѣ

Мисаилъ и Варлаамъ, бродяги-чернецы, Григорій Отрепьевъ міряниномъ; хозяйка.

Хозяйка

Чѣмъ-то мнѣ васъ потчевать, старцы честные?

Варлаамъ

Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяюшка. Нѣтъ ли вина?

Хозяйка

Какъ не быть, отцы мои! сейчасъ вынесу.

(Уходитъ).

Мисаилъ

Что жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и граница Литовская, до которой такъ хотѣлось тебѣ добраться.

Григорій

Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.

Варлаамъ

Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаилъ да я грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ и не думаемъ: Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было бы вино... да вотъ и оно!..

Мисаилъ

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Хозяйка (входитъ)

Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаилъ

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови.

(Монахи пьютъ. Варлаамъ затягиваетъ пѣсню: «Ты проходишь, дорогая» и проч.).

(Григорью)

Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Григорій

Не хочу.

Мисаилъ

Вольному воля...

Варлаамъ

А пьяному рай, отецъ Мисаилъ! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку...

(Поетъ: «Гдѣ неволей добрый молодецъ», и проч.).

Однако, отецъ Мисаилъ, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю: ино дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить, какъ мы, милости

просимъ — нѣтъ, такъ убирайся, проваливай: скоморохъ попу не товарищъ.

Григорій

Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!.. Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

Варлаамъ

А что мнѣ про себя разумѣть!

Мисаилъ

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

Варлаамъ

Да что онъ за постникъ? Самъ же къ намъ навязался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда — да еще и спесивится; можетъ быть, кобылу нюхалъ...

(Пьетъ и поетъ).

Григорій (хозяйкѣ)

Куда ведетъ эта дорога?

Хозяйка

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

Григорій

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

Хозяйка

Недалече, къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы царскія, да сторожевые приставы.

Григорій

Какъ заставы! что это значитъ?

Хозяйка

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать да осматривать.

Григорій (про себя)

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день!

Варлаамъ

Эй, товарищъ! да ты къ хозяйкѣ присусѣдился. Знать, не нужна тебѣ водка, а нужна молодка; дѣло, братъ, дѣло! У всякаго свой обычай; а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка — пьемъ до донушка; выпьемъ, поворотимъ и въ донушко поколотимъ.

Мисаилъ

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Григорій (хозяйкѣ)

Да кого жъ имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

Хозяйка

А Господь его вѣдаетъ, воръ ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? Ничего; ни лысаго бѣса не поймаютъ: будто въ Литву нѣтъ и другого пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по

тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужъ всякій мальчишка доведетъ до Луёвыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняютъ прохожихъ, да обираютъ насъ, бѣдныхъ.

(Слышенъ шумъ).

Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они, проклятые! дозоромъ идутъ.

Григорій

Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другого угла?

Хозяйка

Нѣту, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина, и хлѣба, и невѣдомо чего — чтобъ имъ издохнуть, окаяннымъ! чтобъ имъ...

(Входятъ приставы).

Приставъ

Здорово, хозяйка!

Хозяйка

Добро пожаловать, гости дорогіе, милости просимъ!

Одинъ приставъ (другому)

Ба! да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться. (Монахамъ). Вы что за люди?

Варлаамъ

Мы Божіи старцы, иноки смиренные, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милостыню христіанскую на монастырь.

Приставъ (Григорью)

А ты?

Мисаилъ

Нашъ товарищъ...

Григорій

Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отселѣ иду во-свояси.

Мисаилъ

Такъ ты раздумалъ...

Григорій (тихо)

Молчи.

Приставъ

Хозяйка, выставь-ка еще вина; а мы здѣсь со старцами попьемъ, да побесѣдуемъ.

Другой приставъ

Парень-то, кажется, голъ; съ него взять нечего; зато старцы...

Первый

Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся. — Что, отцы мои, каково промышляете?

Варлаамъ

Плохо, сыне, плохо! нынѣ христіане стали скупы; деньгу любятъ, деньгу прячутъ. Мало Богу даютъ. Пріиде грѣхъ велій на языцы земніи. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дня трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля, другая, заглянешь въ мошонку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропьешь; бѣда да и только. — Охъ, плохо! знать, пришли наши послѣднія времена...

Хозяйка (плачетъ)

Господь помилуй и спаси!

(Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи, первый приставъ значительно всматривается въ Мисаила).

Первый приставъ

Алёха! при тебѣ ли царскій указъ?

Второй

При мнѣ.

Первый

Подай-ка сюда.

Мисаилъ

Что ты на меня такъ пристально смотришь?

Первый приставъ

А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это?

Мисаилъ

Не слыхалъ.

Приставъ

Не слыхалъ? Ладно. А того бѣглаго еретика царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

Мисаилъ

Не знаю.

Приставъ (Варлааму)

Умѣешь ли ты читать?

Варлаамъ

Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ (Мисаилу)

А ты?

Мисаилъ

Не умудрилъ Господь.

Приставъ

Такъ вотъ тебѣ царскій указъ.

Мисаилъ

На что мнѣ его?

Приставъ

Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ — ты.

Мисаилъ

Я? Помилуй! что ты!

Приставъ

Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

Хозяйка

Ахъ они, окаянные мучители! и старца-то въ покоѣ не оставятъ!

Приставъ

Кто здѣсь грамотный?

Григорій (выступаетъ впередъ)

Я грамотный.

Приставъ

Вотъ на... А у кого же ты научился?

Григорій

У нашего пономаря.

Приставъ (даетъ ему указъ)

Читай же вслухъ.

Григорій (читаетъ)

«Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь

и дерзнулъ, наученный діаволомъ, возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось: отбѣжалъ онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Литовской...»

Приставъ (Мисаилу)

Какъ же не ты?

Григорій

«И царь повелѣлъ изловить его...»

Приставъ

И повѣсить!

Григорій

Тутъ не сказано: повѣсить.

Приставъ

Врешь! не всяко слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

Григорій

«И повѣсить. А лѣтъ ему, вору Гришкѣ, отъ роду... (смотря на Варлаама) за 50, а росту онъ средняго, лобъ имѣетъ плѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое».

(Всѣ глядятъ на Варлаама).

Первый приставъ

Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ!

Варлаамъ (вырывая бумагу).

Отстаньте, б...... дѣти! что я за Гришка? Какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! Нѣтъ, братъ, молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывалъ и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходитъ. (Читаетъ по складамъ). «А лѣтъ е-му отъ ро-ду... 20». — Что, братъ, гдѣ тутъ 50? видишь — 20!

Второй приставъ

Да, помнится, двадцать; такъ и намъ было сказано.

Первый приставъ

Да ты, братъ, видно забавникъ.

(Во время чтенія, Григорій стоитъ потупя голову, съ рукою за пазухой).

Варлаамъ (продолжаетъ)

«А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу другая». Да это, другъ, ужъ не ты ли?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно).

Приставъ

Держи! держи!

(Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ).

Москва. Домъ Шуйскаго

Шуйскій, множество гостей. Ужинъ.

Шуйскій

Послѣдній ковшъ? Читай молитву, мальчикъ.
Вина еще! Ну, гости дорогіе,

(Встаетъ, за нимъ и всѣ).

Мальчикъ

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленію внемли:
Помолимся о нашемъ государѣ,
Объ избраннномъ тобой благочестивомъ,
Всѣхъ христіанъ царѣ самодержавномъ.
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ, и на одрѣ ночлега.
Подай ему побѣду на враги,
Да славится онъ отъ моря до моря.
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ,
И милостивъ, и долготерпѣливъ,
Да мудрости его неистощимой
Проистекутъ источники на насъ;
И царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молимся тебѣ, царю небесъ.

Шуйскій (пьетъ)

Да здравствуетъ великій государь!
Простите же вы, гости дорогіе;
Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.

(Гости уходятъ; онъ провожаетъ ихъ до дверей).

Пушкинъ

Насилу убрались; ну, князь Василій Ивановичъ, я ужъ думалъ, что намъ не удастся и переговорить.

Шуйскій (слугамъ)

Вы что ротъ разинули? Все бы вамъ господъ подслушивать. Сбирайте со стола, да ступайте вонъ. — Что такое, Аѳанасій Михайловичъ?

Пушкинъ

Чудеса да и только!
Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

Шуйскій

Ну?

Пушкинъ

Странную племянникъ пишетъ новость.
Сынъ Грознаго... Постой.

(Идетъ къ дверямъ и осматриваетъ).

Державный отрокъ,
По манію Бориса убіенный...

Шуйскій

Да это ужъ не ново.

Пушкинъ

Погоди:
Димитрій живъ.

Шуйскій

Вотъ на! какая вѣсть!
Царевичъ живъ! Ну, подлинно чудесно!
И только-то?

Пушкинъ

Послушай до конца:
Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли царевичъ,
Иль нѣкій духъ во образѣ его,
Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.

Шуйскій

Не можетъ быть!

Пушкинъ

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ пріѣзжалъ впервóй онъ во дворецъ
И сквозь ряды литовскихъ пановъ прямо
Шелъ въ тайную палату короля.

Шуйскій

Кто жъ онъ такой? Откуда онъ?

Пушкинъ

Не знаютъ;
Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго; что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра,
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій

Что жъ говорятъ объ этомъ удальцѣ?

Пушкинъ

Да слышно, онъ уменъ, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ —
И, говорятъ, помогу обѣщалъ.

Шуйскій

Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ невольно.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

Пушкинъ

Такой грозѣ, что врядъ царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему: онъ правитъ нами,
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей?
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ, иль кандалы,
А тамъ въ глуши — голодна смерть, иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?

Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь.
Легко ль, скажи? мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами:
Все языки, готовые продать
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
Не смѣй согнать лѣнивца! радъ не радъ,
Корми его! не смѣй переманить
Работника! не то — въ приказъ холопій.
Ну, слыхано ль хоть при царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Шуйскій

Правъ ты, Пушкинъ.
Но знаешь ли? Объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ

Вѣстимо,
Знай про себя. Ты человѣкъ разумный;
Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что меня подчасъ тревожитъ,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
Къ тому жъ твой медъ да бархатное пиво

Сегодня такъ языкъ мой развязали...
Прощай же, князь.

Шуйскій

Прощай, братъ, до свиданья.

(Провожаетъ Пушкина).

Царскія палаты

Царевичъ чертитъ географическую карту. Царевна. Мамка царевны.

Ксенія (цѣлуетъ портретъ)

Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ; никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

Мамка

И, царевна! дѣвица плачетъ, что роса падетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ и прекрасный, и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана королевича.

Ксенія

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна.

(Входитъ Борисъ).

Царь

Что, Ксенія? Что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!

Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Ѳеодоръ

Чертежъ земли Московской; наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ пермскіе дремучіе лѣса,
А вотъ Сибирь.

Царь

А это что такое
Узоромъ здѣсь віётся?

Ѳеодоръ

Это Волга.

Царь

Какъ хорошо! вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда-нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ: и легче и яснѣе

Державный трудъ ты будешь постигать.

(Входитъ Семенъ Годуновъ).

Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
(Ксеніи). Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь.

(Ксенія съ мамкою уходятъ).

Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?

Семенъ Годуновъ

Нынче
Ко мнѣ чѣмъ свѣтъ дворецкій князь Василья
И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

Царь

Ну?

Семенъ Годуновъ

Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ — и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

Царь

Гонца схватить.

Семенъ Годуновъ

Ужъ послано въ догоню.

Царь

О Шуйскомъ что?

Семенъ Годуновъ

Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,

Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

Царь

Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

Семенъ Годуновъ

Государь!
Онъ здѣсь уже.

Царь

Позвать его сюда.
(Годуновъ уходитъ).

Царь

Сношенія съ Литвою! это что?...
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять:
Уклончивый, но смѣлый и лукавый...
(Входитъ Шуйскій).
Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій

Такъ, государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

Царь

Я слушаю тебя.

Шуйскій (тихо, указывая на Θеодора)

Но, государь...

Царь

Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть...

Царь

Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ?

Шуйскій

Все знаетъ онъ!... Я думалъ, государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

Царь

Нѣтъ нужды, князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ
Мы истины.

Шуйскій

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что король и паны за него.

Царь

Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій

Не вѣдаю.

Царь

Но... чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій

Конечно, царь, сильна твоя держава,
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ:
Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.

Царь

Димитрія!... Какъ? Этого младенца?
Димитрія!... Царевичъ, удались.

Шуйскій

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!...

Ѳеодоръ

Государь,
Дозволишь ли...

Царь

Нельзя, мой сынъ, поди.
(Ѳеодоръ уходитъ).

Димитрія!...

Шуйскій

Онъ ничего не зналъ.

Царь

Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ;
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

Шуйскій

Иду.

Царь

Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать царей, царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ?
Смѣшно? а? что? Что жъ не смѣешься ты?

Шуйскій

Я, государь?...

Царь

Послушай, князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего...
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь
Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:

Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было ль подмѣны? Отвѣчай.

Шуйскій

Клянусь тебѣ...

Царь

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ царевичъ?

Шуйскій

Онъ.

Царь

Подумай, князь. Я милость обѣщаю;
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что царь Иванъ Васильевичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

Шуйскій

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ царевича былъ ясенъ,
И свѣжъ, и тихъ, какъ будто усыпленный;

Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.

Царь

Довольно, удались.

(**Шуйскій уходитъ**).

Ухъ, тяжело!... дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицо
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась...
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да — вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь —
Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуй — и нѣтъ его.
Такъ, рѣшено: не окажу я страха —
Но презирать не должно ничего...
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

Краковъ. Домъ Вишневецкаго

Самозванецъ и Pater Черниковскій.

Самозванецъ

Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненій.
Я знаю духъ народа моего;
Въ немъ набожность не знаетъ изступленья:
Ему священъ примѣръ царя его.

Всегда, къ тому жъ, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ, и вся восточна церковь
Признаютъ власть намѣстника Петра.

Pater

Вспомоществуй тебѣ святой Игнатій,
Когда придутъ иныя времена.
А между тѣмъ небесной благодати
Таи въ душѣ, царевичъ, сѣмена;
Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
Намъ иногда духовный долгъ велитъ:
Твои слова, дѣянья — судятъ люди;
Намѣренья единый видитъ Богъ.

Самозванецъ

Amen. Кто тамъ!

(Входитъ слуга).

Сказать: мы принимаемъ.

(Отворяются двери, входитъ толпа русскихъ и поляковъ).

Товарищи! мы выступаемъ завтра
Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя
Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
Я знаю: твой гостепріимный зàмокъ
И пышностью блистаетъ благородной,
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надѣюсь
Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братскія знамена
Поднявшіе на общаго врага,
На моего коварнаго злодѣя,
Сыны славянъ, я скоро поведу
Въ желанный бой дружины ваши грозны;
Но между васъ я вижу новы лица.

Ґаврила Пушкинъ

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

Самозванецъ

Радъ вамъ, дѣти.
Ко мнѣ, друзья. Но кто, скажи мнѣ, Пушкинъ,
Красавецъ сей?

Пушкинъ

Князь Курбскій.

Самозванецъ (Курбскому)

Имя громко!
Ты родственникъ казанскому герою?

Курбскій

Я сынъ его.

Самозванецъ

Онъ живъ еще?

Курбскій

Нѣтъ, умеръ.

Самозванецъ

Великій умъ! мужъ битвы и совѣта!
Но съ той поры, когда являлся онъ,
Своихъ обидъ ожесточенный мститель,
Съ литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ,
Молва объ немъ умолкла.

Курбскій

Мой отецъ
Въ Волыніи провелъ остатокъ жизни,

Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
Баторіемъ. Уединенъ и тихъ,
Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады;
Но мирный трудъ его не утѣшалъ:
Онъ юности своей отчизну помнилъ
И до конца по ней онъ тосковалъ.

Самозванецъ

Несчастный вождь! какъ ярко просіялъ
Восходъ его шумящей, бурной жизни!
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его съ отечествомъ мирится;
Вины отцовъ не должно вспоминать;
Миръ гробу ихъ! Приближься, Курбскій... руку!
Не странно ли? сынъ Курбскаго ведетъ
На тронъ, кого? да — сына Іоанна!..
Все за меня: и люди, и судьба.
Ты кто такой?

Полякъ

Собаньскій, шляхтичъ вольный.

Самозванецъ

Хвала и честь тебѣ, свободы чадо!
Впередъ ему треть жалованья выдать.
Но эти кто? Я узнаю на нихъ
Земли родной одежду. Это наши.

Хрущовъ (бьетъ челомъ)

Такъ, государь, отецъ нашъ. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.
Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
Къ тебѣ, нашъ царь — и за тебя готовы
Главами лечь, да будутъ наши трупы
На царскій тронъ ступенями тебѣ.

Самозванецъ

Мужайтеся, безвинные страдальцы —
Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
А тамъ уже Борисъ со мной и съ вами
Расплатится. Что жъ новаго въ Москвѣ?

Хрущовъ

Все тихо тамъ еще. Но ужъ народъ
Спасеніе царевича провѣдалъ,
Ужъ грамоту твою вездѣ читаютъ.
Всѣ ждутъ тебя. Недавно двухъ бояръ
Борисъ казнилъ за то, что за столомъ
Они твое здоровье тайно пили.

Самозванецъ

О добрые, несчастные бояре;
Но кровь за кровь! и горе Годунову!
Что говорятъ о немъ?

Хрущовъ

Онъ удалился
Въ печальныя свои палаты. Грозенъ
И мраченъ онъ. Ждутъ казней. Но недугъ
Его грызетъ, Борисъ едва влачится,
И думаютъ, его послѣдній часъ
Ужъ недалекъ.

Самозванецъ

Какъ врагъ великодушный,
Борису я желаю смерти скорой:
Не то — бѣда злодѣю! А кого
Наслѣдникомъ наречь намѣренъ онъ?

Хрущовъ

Онъ замысловъ своихъ не объявляетъ,
Но, кажется, что молодого сына,
Өеодора, онъ прочитъ намъ въ цари.

Самозванецъ

Въ расчетахъ онъ, быть можетъ, ошибется.
Ты кто?

Карела

Казакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ атамановъ,
Отъ казаковъ верхòвыхъ и низовыхъ,
Узрѣть твои царевы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами.

Самозванецъ

Я зналъ донцовъ: не сомнѣвался видѣть
Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки.
Благодаримъ донское наше войско.
Мы вѣдаемъ, что нынѣ казаки
Неправедно притѣснены, гонимы;
Но если Богъ поможетъ намъ вступить
На тронъ отцовъ, то мы по старинѣ
Пожалуемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

Поэтъ

(приближается, кланяясь низко и хватая Гришку за полу)

Великій принцъ, свѣтлѣйшій королевичъ!

Самозванецъ

Что хочешь ты?

Поэтъ (подаетъ ему письмо)

Примите благосклонно
Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

Самозванецъ

Что вижу я? Латинскіе стихи!
Стократъ священъ союзъ меча и лиры;
Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.
Родился я подъ небомъ полунощнымъ,
Но мнѣ знакомъ латинской музы голосъ,
И я люблю парнасскіе цвѣты.
Я вѣрую въ пророчества піитовъ.
Нѣтъ, не вотще въ ихъ пламенной груди
Кипитъ восторгъ: благословится подвигъ,
Его жъ они прославили заранѣ!
Приблизься, другъ. Въ мое воспоминанье
Прими сей даръ. (Даетъ ему перстень).
Когда со мной свершится
Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ
Надѣну я, надѣюсь вновь услышать
Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнъ.
Musa gloriam coronat, gloriaque musam.
И такъ, друзья, до завтра, до свиданья.

Всѣ

Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Димитрій!
Да здравствуетъ великій князь московскій!

Замокъ воеводы Мнишка въ Самборѣ

Уборная Марины.

Марина; Рузя убираетъ ее; служанки.

Марина (передъ зеркаломъ)
Ну, что жъ? готово ли? нельзя ли поспѣшить?

Рузя
Позвольте — напередъ рѣшите выборъ трудный:
Что вы надѣнете, жемчужную ли нить,
Иль полумѣсяцъ изумрудный?

Марина
Алмазный мой вѣнецъ.

Рузя
Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,
Когда изволили вы ѣздить во дворецъ?
На балѣ, говорятъ, какъ солнце вы блистали:
Мужчины ахали, красавицы шептали...
Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ первый разъ
Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣлился.
А точно, говорятъ, на васъ
Кто ни взглянулъ, тотъ и влюбился.

Марина
Нельзя ли поскорѣй?

Рузя
Сейчасъ.
Сегодня вашъ отецъ надѣется на васъ.
Царевичъ видѣлъ васъ недаромъ;

Не могъ онъ утаить восторга своего;
Ужъ раненъ онъ; такъ надобно его
Сразить рѣшительнымъ ударомъ.
А точно, панна, онъ влюбленъ:
Вотъ мѣсяцъ, какъ, оставя Краковъ,
Забывъ войну, московскій тронъ,
Въ гостяхъ у васъ пируетъ онъ
И бѣситъ русскихъ и поляковъ.
Ахъ, Боже мой, дождусь ли дня?..
Не правда ли, когда въ свою столицу
Димитрій повезетъ московскую царицу,
Вы не оставите меня?

Марина

Ты развѣ думаешь, царицей буду я?

Рузя

А кто жъ, когда не вы? Кто смѣетъ красотою
Равняться здѣсь съ моею госпожою?
Родъ Мнишковъ ничьему еще не уступалъ;
Умомъ — превыше вы похвалъ...
Счастливъ, кого вашъ взоръ вниманья удостоитъ,
Кто сердца вашего любовь себѣ присвоитъ —
Кто бъ ни былъ онъ, хоть нашъ король
Или французскій королевичъ...
Не только нищій вашъ царевичъ,
Богъ вѣсть какой, Богъ вѣсть отколь!

Марина

Онъ точно — царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣтомъ.

Рузя

А все жъ онъ былъ прошедшею зимой
У Вишневецкаго слугой.

Марина

Скрывался онъ.

Рузя

Не спорю я объ этомъ.
А только знаете ли вы,
Что говорятъ о немъ въ народѣ?
Что будто онъ дьячокъ, бѣжавшій изъ Москвы,
Извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ.

Марина

Какія глупости!

Рузя

О, я не вѣрю имъ!
Я только говорю, что долженъ онъ, конечно,
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другимъ.

Служанка (вбѣгаетъ)

Ужъ гости съѣхались.

Марина

Вотъ видишь: ты до свѣта
Готова пустяки болтать,
А между тѣмъ я не одѣта...

Рузя

Сейчасъ, готово все. (Служанки суетятся).

Марина (про себя)

Мнѣ должно все узнать...

Рядъ освѣщенныхъ комнатъ. Музыка

Вишневецкій, Мнишекъ.

Мнишекъ

Онъ говоритъ съ одной моей Мариной,
Мариною одною занятъ онъ ...
А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже,
Ну, думалъ ты — признайся, Вишневецкій —
Что дочь моя царицей будетъ? а?

Вишневецкій

Да, чудеса... И думалъ ли ты, Мнишекъ,
Что мой слуга взойдетъ на тронъ московскій?

Мнишекъ

А какова, скажи, моя Марина?
Я только ей промолвилъ: ну, смотри!
Не упускай Димитрія!.. и вотъ
Все кончено, ужъ онъ въ ея сѣтяхъ.

(Музыка играетъ польскій. Самозванецъ идетъ съ Мариною въ первой парѣ).

Марина (тихо Димитрію)

Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ,
Въ аллеѣ липъ я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другая пара).

Кавалеръ

Что въ ней нашелъ Димитрій?

Дама

Какъ! она
Красавица.

Кавалеръ

Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки.
(Новая пара).

Дама

Онъ некрасивъ, но видъ его пріятенъ;
И царская порода въ немъ видна.
(Новая пара).

Дама

Когда жъ походъ?

Кавалеръ

Когда велитъ царевичъ.
Готовы мы; но, видно, панна Мнишекъ
Съ Димитріемъ задержитъ насъ въ плѣну.

Дама

Пріятный плѣнъ.

Кавалеръ

Конечно, если вы...
(Расходятся; комнаты пустѣютъ).

Мнишекъ

Мы, старики, ужъ нынче не танцуемъ,
Музыки громъ не призываетъ насъ,

Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не цѣлуемъ...
Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ!
Теперь не то, не то, что прежде было!
И молодежь, ей-ей, не такъ смѣла;
И красота не такъ ужъ весела;
Признайся, другъ: все какъ-то пріуныло.
Оставимъ ихъ; пойдемъ, товарищъ мой,
Венгерскаго, обросшую травой,
Велимъ открыть бутылку вѣковую,
Да въ уголку потянемъ-ка вдвоемъ
Душистый токъ, струю какъ жиръ густую,
А между тѣмъ посудимъ кой о чемъ.
Пойдемъ же, братъ.

Вишневецкій

И дѣло, другъ, пойдемъ.

Ночь. Садъ. Фонтанъ

Самозванецъ (входитъ)

Вотъ и фонтанъ; она сюда придетъ.
Я, кажется, рожденъ не боязливымъ;
Передъ собой вблизи видалъ я смерть;
Предъ смертію душа не содрогалась.
Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
За мной гнались — я духомъ не смутился
И дерзостью неволи избѣжалъ.
Но что жъ теперь тѣснитъ мое дыханье?
Что значитъ сей неодолимый трепетъ?
Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
Нѣтъ, это страхъ. День цѣлый ожидалъ
Я тайнаго свиданія съ Мариной,

Обдумывалъ все то, что ей скажу,
Какъ обольщу ея надменный умъ,
Какъ назову московскою царицей;
Но часъ насталъ — и ничего не помню;
Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
Любовь мутитъ мое воображенье...
Но что-то вдругъ мелькнуло... шорохъ... тише...
Нѣтъ, это свѣтъ обманчивой луны,
И прошумѣлъ здѣсь вѣтерокъ.

Марина (входитъ)

Царевичъ!

Самозванецъ

Она!.. вся кровь во мнѣ остановилась.

Марина

Димитрій! вы?

Самозванецъ

Волшебный, сладкій голосъ!
Ты ль наконецъ? Тебя ли вижу я, (идетъ къ ней)
Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерня гасла!
Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

Марина

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время —
Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
Съ твоей судьбой, и бурной и невѣрной,

Соединить судьбу мою; то въ правѣ
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
Намѣренья и даже опасенья;
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь—не съ дѣтской слѣпотой,
Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
Наложница безмолвная твоя;
Но какъ тебя достойная супруга,
Помощница московскаго царя!

Самозванецъ

О, дай забыть хоть на единый часъ
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича. Марина! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви!
Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

Марина

Не время, князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ
Приверженность твоихъ клевретовъ стынетъ:
Часъ отъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе;
Ужъ носятся сомнительные слухи,
Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры...

Самозванецъ

Что Годуновъ? Во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?

Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
На тронъ его, на царственную власть.
Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
И славы блескъ, и русская держава?
Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
Ты замѣнишь мнѣ царскую корону;
Твоя любовь...

Марина

Стыдись! не забывай
Высокаго, святого назначенья:
Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній въ жизни.
Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
Не юношѣ, кипящему безумно,
Плѣненному моею красотой —
Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

Самозванецъ

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что санъ, а не меня
Избрала ты, Марина! ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
Какъ! ежели... о, страшное сомнѣнье!
Скажи: когда бъ не царское рожденье
Назначила слѣпая мнѣ судьба,
Когда бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
Тогда бъ... тогда бъ любила ль ты меня?

Марина

Димитрій ты, и быть инымъ не можешь;
Другого мнѣ любить нельзя.

Самозванецъ

Нѣтъ! полно —
Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
Любовницей, ему принадлежащей —
Нѣтъ, полно мнѣ притворствовать! скажу
Всю истину; такъ знай же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ;
А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я бѣдный чернорizецъ;
Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
Обдумалъ я; готовилъ міру чудо —
И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
Къ украинцамъ, въ ихъ буйные курени:
Владѣть конемъ и саблей научился;
Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался
И поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
Что жъ ты молчишь?

Марина

О, стыдъ! о горе мнѣ!
(Молчаніе).

Самозванецъ (тихо)

Куда завлекъ меня порывъ досады!
Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.
Что сдѣлалъ я, безумецъ? (Вслухъ). Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской любви;
Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;
Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба;
Рѣши: я жду. (Бросается на колѣна).

Марина

Встань, бѣдный самозванецъ.
Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой,
Тщеславное мнѣ сердце умилить?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я рыцарей и графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣглаго монаха...

Самозванецъ (встаетъ)

Не презирай младого самозванца;
Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
Достойныя московскаго престола,
Достойныя руки твоей безцѣнной...

Марина

Достойныя позорной петли, дерзкій!

Самозванецъ

Виновенъ я; гордыней обуянный,
Обманывалъ я Бога и царей —
Я міру лгалъ; но не тебѣ, Марина,
Меня казнить; я правъ передъ тобою.
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ:
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

Марина

Чѣмъ хвалится, безумецъ!
Кто требовалъ признанья твоего?

Ужъ если ты, бродяга безымянный,
Могъ ослѣпить чудесно два народа;
Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
Достоинъ быть успѣха своего
И свой обманъ отважный обезпечить
Упорною, глубокой, вѣчной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебѣ,
Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
Соединить судьбу мою съ твоею,
Когда ты самъ съ такою простотой,
Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?
Онъ изъ любви со мною проболтался!
Дивлюся: какъ передъ моимъ отцомъ
Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
Отъ радости — предъ нашимъ королемъ,
Или еще предъ паномъ Вишневецкимъ —
Изъ вѣрнаго усердія слуги.

Самозванецъ

Клянусь тебѣ, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье;
Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ, завѣтномъ разговорѣ,
Ни подъ ножомъ, ни въ мукахъ истязаній,
Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

Марина

Клянешься ты! итакъ должна я вѣрить.
О, вѣрю я! но чѣмъ, нельзя ль узнать;
Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
Какъ набожный пріемышъ езуитовъ?
Иль честію, какъ витязь благородный,

Иль, можетъ быть, единымъ царскимъ словомъ,
Какъ царскій сынъ? Не такъ ли? Говори.

Самозванецъ (гордо)

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться.
Прощай навѣкъ!... Игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ.
Теперь иду — погибель иль вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ честной,
Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной,
Не будешь ты подругою моей,
Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

Марина

А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣе предъ всѣми обнаружу?

Самозванецъ

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что болѣе повѣрятъ польской дѣвѣ,
Чѣмъ русскому царевичу? Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи

Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны.
Имъ это лишь и нужно: и тебя,
Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
Прощай.

Марина

Постой, царевичъ. Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
Съ тобою, князь, она меня миритъ.
Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но, слушай:
Пора, пора! проснись, не медли болѣ,
Веди полки скорѣе на Москву;
Очисти Кремль, садись на тронъ московскій —
Тогда за мной шли брачнаго посла;
Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слушать я.
(Уходитъ).

Самозванецъ

Нѣтъ — легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мочи нѣтъ:
И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя! змѣя!.. Недаромъ я дрожалъ.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но рѣшено: заутра двину рать.

Граница Литовская

1604 года, 16-е октября

Князь Курбскій и Самозванецъ, оба верхами. Полки приближаются къ границѣ.

Курбскій (прискакавъ первый)

Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница!
Святая Русь! отечество! я твой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхаю
Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
О мой отецъ, утѣшилась, и въ гробѣ
Опальныя возрадуются кости!
Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,
Сей славный мечъ — гроза Казани темной,
Сей добрый мечъ — слуга царей московскихъ!
Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ
За своего надёжу-государя!..

Самозванецъ

(ѣдетъ тихо съ поникшей головой)

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостью и славой разыгралась!
О витязь мой, завидую тебѣ!
Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи,
Забывъ отцомъ снесенныя обиды,
Его вину за гробомъ искупивъ,
Ты кровь излить за сына Іоанна
Готовишься, законнаго царя
Ты возвратить отечеству... Ты правъ,
Душа твоя должна пылать весельемъ.

Курбскій

Ужель и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь: она твоя, царевичъ.
Тамъ ждутъ тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванецъ

Кровь русская, о Курбскій, потечетъ!
Вы за царя подъяли мечъ, вы чисты;
Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!
Но пусть мой грѣхъ падетъ не на меня,
А на тебя, Борисъ-цареубійца!
Впередъ!

Курбскій

Впередъ! и горе Годунову!
(Скачутъ. Полки переходятъ черезъ границу).

Царская Дума

Царь, Патріархъ и бояре.

Царь

Возможно ли? Разстрига, бѣглый инокъ
На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь
Нужна моимъ усерднымъ воеводамъ.
Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ:
Спасайте градъ и гражданъ.

Басмановъ

Государь,
Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ,
И замолчитъ и слухъ о самозванцѣ;
Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ
Тебѣ клянусь.

(Уходитъ съ Трубецкимъ).

Царь

Мнѣ свейскій государь
Черезъ пословъ союзъ свой предложилъ;
Но не нужна намъ чуждая помога:
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
Чтобъ отразить измѣнниковъ и ляха.
Я отказалъ.

Щелкаловъ! разослать
Во всѣ концы указы къ воеводамъ,
Чтобъ на коня садились и людей
По старинѣ на службу высылали;
Въ монастыряхъ подобно отобрать
Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
Когда бѣдой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли;
Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ;
Пусть молятся за насъ они: таковъ
Указъ царя и приговоръ боярскій.
Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:
Вы знаете, что наглый самозванецъ
Коварные промчалъ повсюду слухи;
Повсюду имъ разосланныя письма
Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
На площадяхъ мятежный бродитъ шопотъ,
Умы кипятъ... ихъ нужно остудить;

Предупредить желалъ бы казни я,
Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты первый,
Святый отецъ, свою повѣдай мысль.

Патріархъ

Благословенъ Всевышній, поселившій
Духъ милости и кроткаго терпѣнья
Въ душѣ твоей, великій государь;
Ты грѣшному погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:
Оно пройдетъ, и солнце правды вѣчной
Всѣхъ озаритъ.
Твой вѣрный богомолецъ,
Въ дѣлахъ мірскихъ немудрый судія,
Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ:

Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народѣ;
Онъ именемъ царевича, какъ ризой
Украденной, безстыдно облачился:
Но стоитъ лишь ее раздрать — и самъ
Онъ наготой своею посрамится.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на царскую державу —
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:

«Въ младыхъ лѣтахъ, — сказалъ онъ, — я ослѣпъ,
И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи

До старости: напрасно я лѣчился
И зеліемъ, и тайнымъ нашептаньемъ;
Напрасно я ходилъ на поклоненье
Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;
Напрасно я изъ кладязей святыхъ
Кропилъ водой цѣлебной темны очи —
Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
Вотъ наконецъ утратилъ я надежду,
И къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны
Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
А снилися мнѣ только звуки. Разъ
Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди
Ты въ Угличъ градъ, въ соборъ Преображенья;
Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
Богъ милостивъ — и я тебя прощу.
Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ,
И я теперь великій чудотворецъ.
Иди, старикъ. — Проснулся я и думалъ:
Что жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ,
Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
Пойду — и въ путь отправился далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святый соборъ, и слушаю обѣдню,
И, разгорясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я внуку
Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія. И мальчикъ
Повелъ меня — и только передъ гробомъ

Я тихую молитву сотворилъ,
Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
И Божій свѣтъ, и внука, и могилку».
Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ).

Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
И свѣдано, что многіе страдальцы
Спасеніе подобно обрѣтали
У гробовой царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить ихъ въ соборѣ
Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно
Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ, яко прахъ.

(Молчаніе).

Князь Шуйскій

Святый отецъ, кто вѣдаетъ пути
Всевышняго? Не мнѣ его судить.
Нетлѣнный сонъ и силу чудотворства
Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ;
Но надлежитъ народную молву
Изслѣдовать прилежно и безстрастно;
А въ бурныя ль смятеній времена
Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
Народъ и такъ колеблется безумно,
И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
Умы людей не время волновать
Нежданою, столь важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ,
Разсѣянный разстригой, уничтожить;
Но есть на то иныя средства — проще.
Такъ, государь, когда изволишь ты,
Я самъ явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовѣщу безумство
И злой обманъ бродяги обнаружу.

Царь

Да будетъ такъ! Владыка патріархъ,
Прошу тебя пожаловать въ палату:
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

(Уходитъ; за нимъ и всѣ бояре).

Одинъ бояринъ (тихо другому)

Замѣтилъ ты, какъ государь блѣднѣлъ,
И крупный потъ съ лица его закапалъ?

Второй

Я, признаюсь, не смѣлъ поднять очей,
Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться.

Первый

А выручилъ князь Шуйскій. Молодецъ!

Равнина близъ Новгорода-Сѣверскаго

1604 года, 21 декабря

Битва.

Воины (бѣгутъ въ безпорядкѣ)

Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вотъ они! вотъ они!

(Входятъ капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розенъ).

Маржеретъ

Куда, куда? Allons... пошоль назадъ!

Одинъ бѣглецовъ

Самъ *пошоль*, коли есть охота, проклятый басурманъ.

Маржеретъ

Quoi? quoi?

Другой

Ква! ква! Тебѣ любо, лягушка заморская, квакать на русскаго царевича; а мы вѣдь православные.

Маржеретъ

Qu'est-ce à dire pravoslavni?... Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu, mein Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. Розенъ

Es ist Schande.

Маржеретъ

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein Herr?

В. Розенъ

Sie haben Recht.

Маржеретъ

Tudieu, il y fait chaud! — Ce diable de Samozvanets, comme ils l'appelent, est un bougre qui a du poil au col. Qu'en pensez-vous, mein Herr?

В. Розенъ

Ja.

Маржеретъ

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. Розенъ

Ich glaube das.

(Входятъ нѣмцы).

Маржеретъ

Ha! ha! voici nos allemands. Messieurs! Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons!

В. Розенъ

Sehr gut. Halt!

(Нѣмцы строятся).

Marsch!

Нѣмцы (идутъ)

Hilf Gott!

(Сраженіе. Русскіе снова бѣгутъ).

Ляхи

Побѣда! побѣда! Слава царю Димитрію.

Димитрій (верхомъ)

Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите русскую кровь. Отбой!

(Трубятъ; бьютъ барабаны).

Площадь передъ соборомъ въ Москвѣ

Народъ.

Одинъ

Скоро ли царь выйдетъ изъ собора?

Другой

Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

Первый

Что? ужъ проклинали того?

Другой

Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ — анаѳема!

Первый

Пускай себѣ проклинаютъ; царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

Другой

А царевичу поютъ теперь вѣчную память.

Первый

Вѣчную памятъ живому! Вотъ ужо имъ будетъ, безбожникамъ.

Третій

Чу! шумъ. Не царь ли?

Четвертый

Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшенный веригами и окруженный мальчишками).

Мальчишки

Николка, Николка, желѣзный колпакъ!.. трррр...

Старуха

Отвяжитесь отъ него, бѣсенята. Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

Юродивый

Дай, дай, дай копеечку.

Старуха

Вотъ тебѣ копеечка; помяни же меня.

Юродивый (садится на землю и поетъ)

Мѣсяцъ ѣдетъ,
Котенокъ плачетъ,
Николка, вставай,
Богу помолися!

(Мальчишки окружаютъ его снова).

Одинъ изъ нихъ

Здравствуй, Николка, что же ты шапки не снимаешь? (Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ). Экъ она звонитъ!

Юродивый

А у меня копеечка есть.

Мальчишка

Неправда; ну, покажи.

(Вырываетъ копеечку и убѣгаетъ).

Юродивый (плачетъ)

Взяли мою копеечку, обижаютъ Николку.

Народъ

Царь, царь идетъ!

(Царь выходитъ изъ собора: бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре).

Юродивый

Борисъ, Борисъ! Мальчишки обижаютъ Николку!

Царь

Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

Юродивый

Мальчишки меня обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича.

Бояре

Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

Царь

Оставьте его. Молись за меня, бѣдный Николка!

(Уходитъ).

Юродивый (ему вслѣдъ)

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за царя-Ирода — Богородица не велитъ.

Сѣвскъ

Самозванецъ, окруженный своими.

Самозванецъ

Гдѣ плѣнный?

Ляхъ

Здѣсь.

Самозванецъ

Позвать его ко мнѣ.

(Входитъ русскій плѣнникъ).

Кто ты?

Плѣнникъ

Рожновъ, московскій дворянинъ.

Самозванецъ

Давно ли ты на службѣ?

Плѣнникъ

Съ мѣсяцъ будетъ.

Самозванецъ

Не совѣстно, Рожновъ, что на меня
Ты поднялъ мечъ?

Плѣнникъ

Какъ быть, не наша воля.

Самозванецъ

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

Плѣнникъ

Я прибылъ
Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы.

Самозванецъ

Что Годуновъ?

Плѣнникъ

Онъ очень былъ встревоженъ
Потерею сраженія и раной
Мстиславскаго, — и Шуйскаго послалъ
Начальствовать надъ войскомъ.

Самозванецъ

А зачѣмъ
Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

Плѣнникъ

Царь наградилъ его заслуги честью
И золотомъ. Басмановъ въ царской думѣ
Теперь сидитъ.

Самозванецъ

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.
Ну, что въ Москвѣ?

Плѣнникъ

Все, слава Богу, тихо.

Самозванецъ

Что? ждутъ меня?

Плѣнникъ

Богъ знаетъ; о тебѣ
Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣютъ:
Кому языкъ отрѣжутъ, а кому
И голову. Такая, право, притча —
Что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ набиты.
На площади, гдѣ человѣка три
Сойдутся, глядь — лазутчикъ ужъ и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.
Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужъ молчать.

Самозванецъ

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!
Ну, войско что?

Плѣнникъ

Что съ нимъ? Одѣто, сыто,
Довольно всѣмъ.

Самозванецъ

Да много ли его?

Плѣнникъ

Богъ вѣдаетъ.

Самозванецъ

А будетъ тысячъ тридцать?

Плѣнникъ

Да наберешь и тысячъ пятьдесятъ.

(Самозванецъ задумывается; окружающіе смотрятъ другъ на друга).

Самозванецъ

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

Плѣнникъ

А говорятъ о милости твоей,
Что ты-дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ,
А молодецъ.

Самозванецъ (смѣясь)

Такъ это я на дѣлѣ
Имъ докажу: друзья, не станемъ ждать
Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:
Назавтра бой.

(Уходитъ).

Всѣ

Да здравствуетъ Димитрій!

Ляхъ

Назавтра бой! Ихъ тысячъ пятьдесятъ,
А насъ всего едва ль пятнадцать тысячъ:
Съ ума сошелъ.

Другой

Пустое, другъ: полякъ
Одинъ пятьсотъ москалей вызвать можетъ.

Плѣнникъ

Да, вызовешь! а какъ дойдетъ до драки,
Такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ.

Ляхъ

Когда бъ ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,
То я тебя (указывая на свою саблю) вотъ этимъ
бы смирилъ.

Плѣнникъ

Нашъ братъ русакъ безъ сабли обойдется:
Не хочешь ли вотъ этого (показывая кулакъ),
безмозглый!

(Ляхъ гордо смотритъ на него и молча отходитъ. Всѣ смѣются).

Лѣсъ

Самозванецъ и Пушкинъ.

Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій.

Самозванецъ

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И раненый какъ быстро несъ меня!
Мой бѣдный конь!

Пушкинъ (про себя)

Ну, вотъ о чемъ жалѣетъ,
Объ лошади, когда все наше войско
Побито въ прахъ!

Самозванецъ

Послушай, можетъ быть,
Отъ раны онъ лишь только заморился
И отдохнетъ.

Пушкинъ

Куда! онъ издыхаетъ.

Самозванецъ (идетъ къ коню)

Мой бѣдный конь!.. что дѣлать? снять узду,
Да отстегнуть подпругу. Пусть на волѣ
Издохнетъ онъ.

(Разнузываетъ и разсѣдлываетъ коня. Входятъ нѣсколько ляховъ).

Здорово, господа!
Что жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ врѣзался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ;
Гдѣ жъ витязь мой?

Ляхъ

Онъ легъ на полѣ смерти.

Самозванецъ

Честь храброму и миръ его душѣ!
Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло!
Измѣнники, злодѣи запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили насъ!
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!
Я ихъ ужо! десятаго повѣшу!
Разбойники!

Пушкинъ

Кто тамъ ни виноватъ,
Но все-таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

Самозванецъ

А дѣло было наше;
Я было снялъ передовую рать —
Да нѣмцы насъ порядкомъ отразили;
А молодцы! ей-Богу, молодцы!
Люблю за то; изъ нихъ ужъ непремѣнно
Составлю я почетную дружину.

Пушкинъ

А гдѣ-то намъ сегодня ночевать?

Самозванецъ

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ это не ночлегъ?
Чѣмъ свѣтъ, мы въ путь; къ обѣду будемъ въ
Рыльскѣ.
Спокойна ночь.
(Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ).

Пушкинъ

Пріятный сонъ, царевичъ!
Разбитый въ прахъ, спасаяся побѣгомъ,
Безпеченъ онъ, какъ глупое дитя:
Хранитъ его, конечно, Провидѣнье;
И мы, друзья, не станемъ унывать.

Москва. Царскія палаты

Борисъ, Басмановъ.

Царь

Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
Мы тщетною побѣдой увѣнчались.
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско

И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
Что дѣлаютъ межъ тѣмъ герои наши?
Стоятъ у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! Нѣтъ, я ими не доволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними;
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спесь о мѣстничествѣ тужитъ!
Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Басмановъ

Ахъ, государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда Разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь.

Царь

День этотъ недалекъ;
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

Басмановъ

Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ;
Но что жъ? Конемъ спокойно всадникъ пра-
витъ,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

Царь

Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:

Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже.

(Входитъ бояринъ).

Что?

Бояринъ

Привели гостей иноплеменныхъ.

Царь

Иду принять; Басмановъ, погоди.
Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
Поговорить.

(Уходитъ).

Басмановъ

Высокій духъ державный.
Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
Управиться; и много, много онъ
Еще добра въ Россіи сотворитъ.
Мысль важная въ умѣ его родилась;
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломитъ рогъ боярству родовому.
Соперниковъ во брани я не знаю;
У царскаго престола стану первый...
И можетъ быть... Но что за чудный шумъ?

(Тревога. Бояре, придворные служители въ безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ).

Одинъ

За лѣкаремъ!

Другой

Скорѣе къ патріарху!

Третій

Царевича, царевича зоветъ!

Четвертый

Духовника!

Басмановъ

Что сдѣлалось такое?

Пятый и шестой

Царь занемогъ, царь умираетъ.

Басмановъ

Боже!

Пятый

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

(Царя выносятъ на стулѣ; все царское семейство; всѣ бояре).

Царь

Подите всѣ — оставьте одного
Царевича со мною. (Всѣ удаляются.) Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ! сейчасъ
Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ тобой — и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!

Но чувствую — мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ бъ надлежало;
Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ,
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала;
Но ты младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
Но Богъ великъ! онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника во-первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой —
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка —
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни — можешь

Ихъ отмѣнить; тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Со временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды.
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ; не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться попустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и царь; люби свою сестру —
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Θеодоръ (на колѣняхъ)

Нѣтъ, нѣтъ — живи и царствуй долговѣчно:
Народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь

Все кончено — глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ...

(Входитъ патріархъ, святители; за ними всѣ бояре. Царицу ведутъ подъ руки; царевна рыдаетъ).

Кто тамъ?
А! схима... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи царь идетъ —
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, владыка патріархъ,
Я царь еще: внемлите вы, бояре —
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цѣлуйте крестъ Өеодору... Басмановъ,
Друзья мои... при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
Клянетесь ли?

Бояре

Клянемся.

Царь

Я доволенъ.
Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя, и тайныя обиды...
Святый отецъ, приближься, я готовъ.

(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обморокѣ выносятъ).

Ставка

Басмановъ вводитъ Пушкина.

Басмановъ

Войди сюда и говори свободно.
Итакъ тебя ко мнѣ онъ посылаетъ?

Пушкинъ

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ
И первый санъ по немъ въ московскомъ царствѣ.

Басмановъ

Но я и такъ Ѳеодоромъ высоко
Ужъ вознесенъ; начальствую надъ войскомъ;
Онъ для меня презрѣлъ и чинъ разрядный,
И гнѣвъ бояръ. Я присягалъ ему.

Пушкинъ

Ты присягалъ наслѣднику престола
Законному; но если живъ другой,
Законнѣйшій?..

Басмановъ

Послушай, Пушкинъ, полно:
Пустого мнѣ не говори! я знаю,
Кто онъ такой.

Пушкинъ

Россія и Литва
Димитріемъ давно его признали;
Но, впрочемъ, я за это не стою.
Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій,
Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступитъ сынъ Борисовъ.

Басмановъ

Дотолѣ онъ престола не оставитъ;
Пока стою за юнаго царя,

Полковъ у насъ довольно, слава Богу!
Побѣдою я ихъ одушевлю,
А вы кого противъ меня пошлете,
Не казака ль Карелу, али Мнишка?
Да много ль васъ? всего-то восемь тысячъ.

Пушкинъ

Ошибся ты: и тѣхъ не наберешь.
Я самъ скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только села грабятъ,
Что поляки лишь хвастаютъ, да пьютъ,
А русскіе... да что и говорить —
Передъ тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
Не войскомъ, нѣтъ, не польскою помогой,
А мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ.
Димитрія ты помнишь торжество
И мирныя его завоеванья,
Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
Послушные сдавались города,
А воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
Ты видѣлъ самъ: охотно ль ваши рати
Сражались съ нимъ? Когда же? При Борисѣ!
А нынче ль?.. Нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
И раздувать холодный пепелъ брани:
Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебѣ
Дать первому примѣръ благоразумный,
Димитрія царемъ провозгласить
И тѣмъ ему навѣки услужить?
Какъ думаешь?

Басмановъ

Узнаете вы завтра.

Пушкинъ

Рѣшись.

Басмановъ

Прощай.

Пушкинъ

Подумай же, Басмановъ.
(Уходитъ).

Басмановъ

Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ измѣна зрѣетъ;
Что дѣлать мнѣ? Ужели буду ждать,
Чтобъ и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому... Но измѣнить присягѣ!
Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!
Довѣренность младого вѣнценосца
Предательствомъ ужаснымъ заплатить!..
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,
Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу государя...
Но смерть... но власть... но бѣдствія народны...
(Задумывается).
Сюда! кто тамъ? (Свищетъ). Коня! трубите сборъ!

Лобное мѣсто

Пушкинъ идетъ, окруженный народомъ.

Народъ

Царевичъ намъ боярина послалъ.
Послушаемъ, что скажетъ намъ бояринъ.
Сюда! сюда!

Пушкинъ (на амвонѣ)

Московскіе граждане,
Вамъ кланяться царевичъ приказалъ. (Кланяется).
Вы знаете, какъ Промыселъ небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
Онъ шелъ казнить злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась;
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ.
Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
Подымете вы руку на царя
Законнаго, на внука Мономаха?

Народъ

Вѣстимо нѣтъ.

Пушкинъ

Московскіе граждане,
Міръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли
Подъ властію жестокаго пришельца:
Опалу, казнь, безчестіе, налоги,
И трудъ, и гладъ, все испытали вы.
Димитрій же васъ жаловать намѣренъ,
Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,
Гостей, купцовъ — и весь честной народъ.
Вы ль станете упрямиться безумно
И милостей кичливо убѣгать?
Но онъ идетъ на царственный престолъ
Своихъ отцовъ въ сопровожденьи грозномъ.
Не гнѣвайте жъ царя и бойтесь Бога,
Цѣлуйте крестъ законному владыкѣ;

Смиритеся; немедленно пошлите
Къ Димитрію во станъ митрополита,
Бояръ, дьяковъ и выборныхъ людей,
Да бьютъ челомъ отцу и государю.

(Сходитъ. Шумъ народный).

Народъ

Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.
Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!

Мужикъ на амвонѣ

Народъ! народъ! въ Кремль! въ царскія палаты!
Ступай вязать Борисова щенка!

Народъ (несется толпою)

Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

Кремль. Домъ Борисовъ. Стража у крыльца

Ѳеодоръ подъ окномъ.

Нищій

Дайте милостыню Христа ради!

Стража

Поди прочь; не велѣно говорить съ заключенными.

Ѳеодоръ

Поди, старикъ, я бѣднѣе тебя; ты на волѣ.
(Ксенія, подъ покрываломъ, подходитъ также къ окну).

Одинъ изъ народа

Братъ да сестра — бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ.

Другой

Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

Первый

Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны.

Другой

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

Ксенія

Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ бояре идутъ.

Өеодоръ

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

Ксенія

Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

(Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шерефединовъ; за ними трое стрѣльцовъ).

Народъ

Разступитесь, разступитесь: бояре идутъ.

(Они входятъ въ домъ).

Одинъ изъ народа

Зачѣмъ они пришли?

Другой

А вѣрно приводить къ присягѣ Өеодора Годунова.

Третій

Въ самомъ дѣлѣ. Слышишь, какой въ домѣ шумъ!.. Тревога!.. дерутся!

Народъ

Слышишь? визгъ! Это женскій голосъ... Взойдемъ... Двери заперты — крики замолкли...

(Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ).

Мосальскій

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Ѳеодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (Народъ въ ужасѣ молчитъ). Что же вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

Народъ (безмолвствуетъ).

Первоначальный конецъ:

Народъ

Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

Конецъ комедіи, въ ней же первая персона
царь Борисъ Годуновъ. Слава
Отцу и Сыну и Святому
Духу. Аминь.

7 ноября 1825.

Зачеркнутая въ рукописи сцена

После сцены:

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ

Ограда монастырская

Григорій и Злой чернецъ.

Григорій

Что за скука, что за горе наше бѣдное житье!
День приходитъ, день проходитъ — видно,
слышно все одно:
Только видишь черны рясы, только слышишь
колоколъ.
Днемъ, зѣвая, бродишь, бродишь; дѣлать не-
чего — соснешь;
Ночью долгою до свѣта все не спится чернецу.
Сномъ забудешься, такъ душу грезы черныя му-
тятъ;
Радъ, что въ колоколъ ударятъ, что разбудятъ
костылемъ...
Нѣтъ, не вытерплю! нѣтъ мочи!.. Чрезъ огра-
ду, да бѣгомъ!
Міръ великъ: мнѣ путь-дорога на четыре сто-
роны,
Поминай, какъ звали.

Чернецъ

Правда — ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихіе, молодые чернецы!

Григорій

Хоть бы ханъ опять нагрянулъ, хоть Литва бы
поднялась.
Такъ и быть, пошелъ бы съ ними перевѣдаться мечомъ!
Что, когда бы нашъ царевичъ изъ могилы
вдругъ воскресъ
И вскричалъ: «а гдѣ вы, дѣти, слуги вѣрные
мои?
Вы подите на Бориса, на злодѣя моего,
Изловите супостата, приведите мнѣ его!»

Чернецъ

Полно, не болтай пустого. Мертвыхъ намъ не
воскресить.
Нѣтъ, царевичу иное, видно, было суждено...
Но послушай: если дѣло затѣвать, такъ затѣвать...

Григорій

Что такое?

Чернецъ

Если бъ я былъ такъ же молодъ, какъ и ты,
Если бъ усъ не пробивала ужъ лихая сѣдина...
Понимаешь?..

Григорій

Нѣтъ, нисколько.

Чернецъ

Слушай. Глупый нашъ народъ
Легковѣренъ, радъ дивиться чудесамъ и новизнѣ,

А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ.
Племя древняго варяга и теперь любезно всѣмъ.
Ты царевичу ровесникъ... Если ты хитеръ и твердъ...
Понимаешь?

Григорій

Понимаю.

Чернецъ

Что же скажешь?

Григорій

Рѣшено.
Я Димитрій, я царевичъ!

Чернецъ

Дай мнѣ руку; будешь царь!

30/32. П. И. БИРЮКОВЪ. Л. Н. Толстой. Біографія. Три тома.

33. И. С. ТУРГЕНЕВЪ. Затишье. Разсказы и повѣсти.

34. Н. В. ГОГОЛЬ. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Миргородъ.

35. Л. Н. ТОЛСТОЙ. Дѣтство. Повѣсти.

36/38. М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ. Собраніе сочиненій въ 3 томахъ.

39/40. Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ. Бѣсы. Романъ. Два тома.

41. А. П. ЧЕХОВЪ. Черный монахъ. Повѣсти и разсказы.

42. А. П. ЧЕХОВЪ. Мужики. Повѣсти и разсказы.

43. И. С. ТУРГЕНЕВЪ. Вешнія воды. Разсказы и повѣсти.

44. ВС. М. ГАРШИНЪ. Собраніе сочиненій въ одномъ томѣ.

45. Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ. Подростокъ. Романъ.

46. И. С. ТУРГЕНЕВЪ. Пунинъ и Бабуринъ. Разсказы и стихотворенія.

47. А. П. ЧЕХОВЪ. Драмы и комедіи.

48. Ѳ. М ДОСТОЕВСКІЙ. Записки изъ мертваго дома. Игрокъ. Романы.

49. И. С. ТУРГЕНЕВЪ. Сцены и комедіи.

50. А. И. ГЕРЦЕНЪ. Кто виноватъ? Повѣсти.

Серія продолжается.

Полный каталогъ по требованію высылается безплатно.

Puschkin. Boris Godunow